

Александр Торин

День Индюшки

Copyright © 2002 Alexander Taratorin. All rights reserved.

Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-mail: amtar@pacbell.net

Каждый год, стоит только появиться в супермаркетах бесформенным, слоноподобным тушам индеек, в душе моей поселяется суеверная тревога. Аккурат в день благодарения, со мной всегда что-нибудь нехорошее происходит. То труба у соседей лопнет и мою комнату зальет, то в машине стекло разобьют. А пару лет назад меня даже остановили на автостраде и отвезли в участок- спутали с кем-то, по-пьяни удиравшим от полиции. Просто какой-то злой рок.

Но чего уж тут поделаешь, день благодарения просто надо пережить, как стихийное бедствие. Поэтому, когда раздался телефонный звонок, я решил, что от судьбы не уйдешь, и решительно поднял трубку. Звонил Андрей, мой старый приятель.

– Привет, колись немедленно, ты куда-нибудь на праздники уезжаешь? – выпалил он скороговоркой.

– Да нет, вообще-то.

– Значит, решено, приходишь ко мне! И никаких отговорок, я тебя знаю, сейчас начнешь отнекиваться, ссылаться на работу. Даже слышать ничего не желаю! – Андрей выкрикнул все это на одном дыхании.

– Андрей, ты только не обижайся. – Я представил себе толстую, покрытую пупырышками, иссиня-сизую индюшачью ляжку, и содрогнулся. – У меня куча дел. Нет, я не отказываюсь, я просто пока не могу обещать.

– Я так и знал... – Голос его стал хрипло-проникновенным. – Ну не будь ты сволочью, составь мне компанию.

– Что-нибудь случилось? – Почему-то в моем воображении сложилась в ту же секунду жуткая картина: Андрей остался совсем один, и если я не приду, наверняка напьется и покончит с собой, или сделает еще какие-нибудь глупости.

– Понимаешь... – Андрей сконфуженно кашлянул в трубку. – Такая история, набились в гости дальние родственники, а у меня от них возникает хроническое несварение желудка. Напиваюсь в доску, ничего с собой поделать не могу. А одному – неудобно. Короче, если рядом не будет нормального человека, я свихнусь. Приедешь?

– Да о чем разговор, – опешил я. – Я и не знал, что у тебя такие родствен... То есть, проблемы. – Мне стало неловко. – Я бутылку принесу, или, лучше тортик?

– Никаких тортиков! Тащи две бутылки, – решительно рявкнул Андрей, и я понял, что приятель мой действительно попал в суровый переплет судьбы. Он всегда слыл жутким сластолюбом: в молодости прославился тем, что на студенческой вечеринке в одиночку слопал торт, предназначенный для оравы гостей.

Для смягчения ситуации, куплены были в маленьком русском магазинчике две в меру увядших селедки, буханка черного хлеба, и по весьма завышенной цене пара бутылок "Кубанской". С таким арсеналом я чувствовал себя во всеоружии.

Андрей жил на другом конце городка, у самого подножия гор. По пути случился досадный инцидент: на перекрестке я едва увернулся от какого-то идиота, наряженного индюком. Индюк с квохтанием прыгал между проезжающими автомобилями и размахивал плакатом, извещающим водителей о грандиозной распродаже индюшек в соседнем супермаркете. Пришлось резко затормозить, сумка с продуктами упала, купленные бутылки укатились под сиденье. А позади меня глухо ударило, потом зазвенело и посыпалось стекло – водителям идущих следом машин явно не повезло.

Индюк растерянно посмотрел на дело рук своих, и, поняв, что его сейчас будут бить, трусливо ретировался. К счастью, пострадавшие были целы и невредимы, если не считать помятого бампера и разбитой фары. Через несколько минут появилась полиция, ваш покорный слуга наябедничал на ритуальную птицу, и, с чувством выполненного гражданского долга, поехал дальше.

Ну что же, по всем признакам, день благодарения начался. Нет, не по душе мне это празднество. Взять, к примеру, духовно-историческую подоплеку. Она наглядно доказывает,

что хорошие дела вознаграждаются далеко не всегда, не везде, и в недостаточном количестве. Помирали когда-то первые пилигримы от голода, а местные индейцы принесли им в подарок убиенных индюшек. Часть пилигримов (злорадно подозреваю, что далеко не лучшая их часть) в результате выжила, и радостно тех самых индейцев истребила.

Но Бог с ней, с историей, она давно забыта. Я почти-что уверен, что день индюшки является естественным проявлением инстинкта самосохранения. Не хватает людям жиров, и вот, накануне зимы, подсознательно, зачастую против своей воли, происходит восполнение ресурсов, возведенное в ранг национального праздника.

Оно и понятно, американцы - народ худощавый и аскетический. Они не пьют, не курят (что, в общем-то понятно: курить обычно хочется, когда выпьешь), употребляют в пищу все только исключительно полезное и обезжиренное, а потому – безвкусное, и, как правило, вызывающее желчность характера, перерастающую со временем в рак желудка. И только один-единственный раз в году у аборигенов отказывают тормоза, и они бесстыдно-ритуальным образом обжираются почти-что до потери сознания.

Всяческие малоразвитые племена в такой ситуации забивали и жарили наиболее упитанных пленных, или даже соплеменников (в плохие года пленных не случалось и приходилось жертвовать единицами ради спасения коллектива). В наше гуманное время, однако, в людоедстве нет никакой необходимости, к тому же оно запрещено, даже в рамках национальных торжеств, и в целях пропитания американцы поздней осенью жуют индюков и индюшек.

Для успокоения гражданской совести, мозги обывателей, запуганных количеством калорий и ежедневными нормами холестерина, обильно промываются средствами идеологической пропаганды, внушающими мысль о том, что съедение индюка – патриотический долг. По спутниковым и кабельным каналам телевидения один за другим крутят слезливые фильмы с однообразно-повторяющимся сюжетом: Отец (скромный торговый агент, которого вот-вот уволят без выходного пособия), мать (секретарша нехорошего босса, разрывающаяся между работой и детьми), сын или брат, дочь, на худой конец, сестра (как правило, попавшие в плохую компанию), все они как назло никак не могут добраться домой и откусать в кругу семьи индюшку с клюквенным соусом. Конкуренты, преступники, международные террористы, даже коммунистические шпионы делают все от них зависящее, чтобы разрушить сытое семейное торжество, и тем самым подорвать пополнение организма жиро-углеводо-белками. Но заканчивается все хорошо, к финалу от ритуальной птицы, как и положено, остаются рожки да ножки.

*

Андрей стоял на лужайке около своей двери, и всматривался в проезжавшие по улице машины. Увидев меня, он радостно начал размахивать руками.

– Ну наконец-то! Чего так поздно?

– Чуть рекламного индюка не задавил, пришлось полицию дожидаться.

– Водку привез? – Андрей страдальчески поморщился. – Давай, скорее, за встречу, – он дрожащей рукой свернул пробку и решительно сделал глоток прямо из горлышка, как-то двусмысленно подмигнув мне. В результате, я начал подозревать своего друга в тайном алкоголизме. – Все, теперь выживу.

– Ты о чем?

– Сейчас сам увидишь, в натуральную величину. Я тебе по-хорошему советую: выпей, пока не поздно, чтобы нервные окончания не перегорели.

– Да будет тебе, тоже мне, неврастеник нашелся. Ты чего, из-за родственников так переживаешь? Ха! Я тебе получше историю расскажу: Я пять лет жил с тещей в однокомнатной квартире, и...

Рассказ свой я закончить не успел, вернее не смог, так как к калитке подкатил ярко-красного цвета микроавтобус, с неправдоподобно-черными колесами. Автомобиль, казалось, только что сошел с рекламного проспекта. Ветровое стекло его переливалось перламутром, а фюзеляж блестел, вернее сверкал, каждым миллиметром своей поверхности, так что глаза начали чесаться, как бывает во время буйного цветения всяческих вредных трав и кустарников. Но сверкание, хотя и поразило меня, не могло отвлечь взгляд от неправдоподобного количества всяческих антенн и приспособлений, разместившихся на крыше и дверях этого средства передвижения.

Люк в крыше микроавтобуса был открыт, и оттуда, как из башенки танка, виднелась чья-то голова в наушниках, там же располагались треножник и направленная в нашу сторону видеокамера. При этом, из окна автомобиля на нас нацелился фотографический объектив, каждые две-три секунды зловредно полыхающий вспышкой.

– Что это? – с трудом выдавил из себя я, зажмуриваясь от фотовспышки.

– Прошу любить и жаловать, – процедил Андрей сквозь зубы. Обещанное явление природы в разгаре.

– Здравствуйте, хозяева дорогие! – Дверь микроавтобуса отъехала в сторону. – А вот мы вас и засняли. С трех ракурсов, между прочим, в динамике. Я недавно на распродаже купил фотоаппарат, у него такой режим: программируешь, и он снимает двадцать кадров в минуту. Потом можно монтировать как мультфильм. Под тысячу стоил, а я взял за триста. Галя! Галя! Ну где же ты пропала? Галочка!

Существо, из которого извергались потоки технико-экономических данных, было невысоким и обладало курчаво-черной волосатостью всех выдающихся конечностей, кроме головы. Одето явление было в совершенно не подходящие к сезону холодных ветров шорты плантаторского типа, ярких тропических расцветок рубашку с короткими рукавами и зимние, высокие шнурованные замшевые ботинки, достающие почти-что до колен.

– Петр Аркадьевич, двоюродный дядя, – страдальчески выдохнул Андрей. – А это друг мой, Александр.

– Петя, – жизнеутверждающе подтвердило тропическое существо, трясая мою руку. – Очень приятно. А супругу мою Галей зовут. Галя! Галусик! Ну куда же она подевалась. Вот вечно эти женщины застрянут по своим интимным делам, даже в автомобиле ими умудряются заняться. Глаз да глаз за ними нужен. Ха-ха-ха! – Он снял с пояса портативную рацию.

– Мне тоже... Очень... – я растерялся от шуточек Петра Аркадьевича и с удивлением посмотрел на рацию.

– Волки Толки, – объяснил двоюродный дядя. Очень удобная вещица, рекомендую. Вот, например, пошли мы продукты покупать: Галя в овощной отдел, я, натурально, в мясной, вспоминаешь что-то по пути, переговариваешься. А уж про торговый центр и говорить не приходится. Расстояния – в километры.

– Петя, это ты? Прием! – Раздалось из рации.

– Галя! Ну где же ты пропадаешь, честное слово, неси камеру, и ни в коем случае не прекращай снимать. Это же история, семейный архив. Встреча на Эльбе, можно даже так выразиться. Потом состаримся и смотреть будем, вот ведь как...

– Петя, а если батарейка сядет? Прием! – с металлическим хрипом возразил из рации голос.

– Я запасную взял, – успокоило супругу волосато-тропическое создание. – Кстати, и камеру, и батарейки купил задешево. Хотите научиться, Александр? И ты, Андрей, тоже поучись, пока я жив. Так вот: на рождество объявили скидку в двадцать пять процентов, а я захватил прошлогоднюю газету, вырезал объявление, у них в предыдущее рождество была распродажа по пол-цены. Я все газеты храню на такой случай. Ну, представляете, показал им, говорю: конкуренты скинули половину, а я возьму за треть. Они уперлись, но куда там, я не отступал.

– Петя у меня такой энтузиаст! Он каждую неделю изучает все газеты, что где продается, все новинки... Выписывает, сравнивает. Ой, здравствуйте, с этой камерой все на свете позабудешь! – Произнесло все это шуршащее платье с торчащей вместо головы видеокамерой.

– Законная половина, прошу любить и жаловать. Александр, это к вам относится, а то у вас физиономия какая-то кислая, словно вы чем-то недовольны. Или вам Галочка не нравится? Ха-Ха-Ха!

– Да я, собственно. – Двоюродный дядюшка начал меня раздражать. – Все нормально.

– Шучу! Шучу! А это наш с Галей подарок на день благодарения, – Петр Аркадьевич с торжествующим выражением лица протянул Андрею нечто хромированное, напоминающее плод несчастной любви медицинского шприца с манометром.

– Что это?

– Ну как же, темные вы люди! Это – термометр для определения степени готовности индюшки. Достаете из духовки, втыкаете внутрь. Если в глубине тела триста семьдесят пять градусов исполнились – можно кушать. Я, кстати, и исполнительницу главной роли привез. Подкормить, так сказать, племянничка. Галя, снимай скорее вынос птицы!

– Зачем? – Вопрос этот застрял у Андрея в горле, так как сизое тело, вытаскиваемое из багажника родственниками, размером и цветом своим напоминало зрелого, умершего дня три-четыре назад гражданина, страдавшего при жизни ожирением средней степени.

– Люблю я этот праздник, – Петр Аркадьевич, сопя, волок труп по дорожке, ведущей в дом. – Душевный он, родных повидать, посидишь по-человечески, покушаешь досыта. Кстати, – какая-то мысль чрезвычайной важности посетила гостя, и он отпустил дохлую индейку, как ни в чем не бывало вытерев окровавленные руки об рубашку. – Как же так, я гостя вашего до сих пор в картотеку не занес! – И из кармана шорт извлеклось плоско-черное с крохотными клавишами и электронным индикатором.

– Не надо в картотеку, – при виде распростертого на дорожке индюшачьего трупа меня начало мутить. – Не хочу.

– Извинения не принимаются! Ха-ха! Адресок, телефончик. А вот эту коробочку можно кабелем подключить к персональному компьютеру. Вещь!

– А может быть, выпить чего-нибудь хотите? – вовремя вмешался Андрей. – Петр Аркадьевич, водочки? Галочка, как насчет винца? Красненького? Пожалуйста! Ну, за встречу!

– Не откажусь, не надейтесь! – Петр Аркадьевич сунул электронную записную книжку в карман и с удовольствием причмокнул, увидев тарелочку с нарезанным дольками соленым огурцом. – Надо вам портативный пылесос показать, он у меня в машине.

Упоминание пылесоса было настолько неожиданным, что я вздрогнул и расплескал водку.

– Очень удобная вещица. Сам же намусорил, сам собственное дерьмо и убираешь. Ха-ха-ха!

Я зажмурился и выпил рюмку, предвкушая остаток вечера и трогательную семейную трапезу.

– Ну что же, сейчас индюка зарядим... В духовочку его... Тьфу ты...

– Что? – Андрей закусил губу.

– Да, не влезает, – Петр Аркадьевич уже наполовину засунул мертвую птицу в духовку, но туша застряла, ляжки торчали снаружи, и мешали дверке закрыться. – Надо же, до чего у вас все миниатюрное, в моей кухне слона можно запечь. Ха-ха-ха!

– Слушайте, Петр Аркадьевич, бросили бы вы ее. Закуски полно, пропадет. – содрогнулся я.

– Это ты прекрати, Лександр. Какой же день благодарения без индюшки! Вот только резать придется. Галя! Галечка! Принеси из багажничка мой любимый нож.

– Да зачем, вот же ножик... – вмешался Андрей.

– А у меня особенный, с электроприводом. Незатупляющийся.

– Ох, – застонал Андрей. – Я не доживу до понедельника, – шепнул он мне на ухо. – Эти юные техники с ночевкой приехали. Давай напьемся до скотского состояния, и побыстрей.

– Еще вот здесь надрезик завершим. Жаль, конечно, такого зверя кромсать, – нож с визгом врезался в синюшный труп, и брызги мутной, смешанной с птичьим жиром крови, покрыли кафельную плитку на кухонном полу. – Но ничего уж не поделаешь.

– Господи, – мысленно взмолился я, преодолевая дурноту. – Несмотря на то, что тебя нет, прошу, яви знамение, испепели эту гадкую птицу небесным огнем. И избавь нас от этого недоразумения в шортах, ну что тебе стоит! Нет, – я испугался и решил, что становлюсь неврастеником, – Петра Аркадьевича испепелять не надо, пусть он просто исчезнет, по возможности бескровным образом.

– Вот так! – И Петр Аркадьевич, напрягшись, закрыл-таки дверь духовки. – Теперь включаем... – Рука его протянулась к выключателю, щелкнула им, и в эту минуту случилось нечто сверхъестественное: В духовке нехорошо треснуло, вспыхнуло фиолетовым огнем, затем из нее повалил черный дым, и одновременно во всем доме погас свет, в результате чего стало совершенно темно.

– Твою мать, – не сдержался Петр Аркадьевич. – Током дернула, сволочь.

– Надо же, как быстро осенью темнеет, – удивился Андрей. – Еще час назад солнце светило.

– Петя, что случилось? – Галю можно было безошибочно определить в темноте по горящему глазку видеокамеры, запечатлевшей засовывание птицы в духовку и последовавший электрошок супруга.

– Индейка, похоже, контакт закоротила. Пробки выбило.

– Фонари на улице тоже погасли, – злорадно констатировал Андрей. – Вот что бывает, когда в каждой американской семье на полную мощность врубают духовки.

– Ничего, будем ужинать при свечах, селедкой с черным хлебом, – воодушевился я. – Индейки не будет, да здравствуют индейцы!

– Петя, – Галя светилась проплывающим огоньком видеокамеры. – А я вас всех так хорошо в объективе вижу!

– Ни одна минутка съемки не пропадет, не волнуйтесь. У камеры есть специальный ночной режим. – с гордостью констатировал голос Петра Аркадьевича.

Мы наощупь вышли из дома. Дом за домом погружались во тьму. Еще где-то вдалеке что-то вспыхивало, но и оно погасло, и стало темно и тихо. И вдруг, как по команде, в городе завыли собаки. Признаться, по спине у меня побежали мурашки. И, похоже, не только у меня.

– Да что же это такое происходит! Я сейчас в полицию позвоню, – Петр Аркадьевич нерешительно пискнул мобильным телефоном. – Что за ерунда, сигнала нет.

– Спутник вырубился, – с видом знатока заявил я. – Метеориты, ничего с ними не поделаешь.

– У меня Волки-Толки в полицейском диапазоне сигнал принимает... – В рации что-то хрипело и взрывалось щелчками. – И здесь все молчит. – Владелец электронной техники, начал терять уверенность в устойчивость цивилизации, и голос его дрогнул.

– Тише, – Галя наконец выключила видеокамеру – Что это? Слышите?

На улице зарычало, раздался треск и внушительного размера черная тень с треском ткнулась в забор, отгораживающий нас от соседей.

– Медведь! – Галя испуганно вскрикнула и больно впиалась ногтями в мою руку.

– Гризли. – Благодушно подтвердил я, пытаюсь высвободить руку. – Я в газете читал, в прошлом году медведица с медвежатами с гор спустилась, аккуратно на день благодарения. Это они в город на запах подтягиваются: всюду индюков жарят, а у зверюг животы подводит.

– Мама! – Петр Аркадьевич, похоже, утратил всяческие жизненные ориентиры .

– Вот таким он и будет, общий кризис капитализма, – неожиданно начал декламировать Андрей. Судя по голосу, он уже изрядно захмелел. – И воздастся каждому по делам его.

– Галя, не слушай его. За мной! – Петр Аркадьевич в два прыжка добрался до своего микроавтобуса, впихнул в него супругу, и, взревев двигателем, с визгом взял с места.

– Есть все-таки Бог на свете, – тихо прошептал Андрей.

Мурашки снова побежали у меня по спине, но задуматься о вопросах религии и атеизма я не успел.

– Мужики! Русские, что-ли? Ну, елки-палки, бывает же такое!

Тень, испугавшая Петра Аркадьевича с супругой, выбралась из кустов и оказалась двухметрового роста мужчиной с окладистой бородой, в куртке, накинутой на тельняшку. От гражданина весьма ощутимо пахло спиртным.

– Вы извините, ради Бога. Закурить не найдется? Не видно ни хрена, вечно у этих американцев свет выключат. – Бородач икнул, и от этого смутился. – Я Ивановых ищу, в магазин пошел и заблудился. Не подскажете как к ним пройти?

– Налево, через два дома. – Андрей начал хохотать, и я вслед за ним.

– Вы тут, ребята, я посмотрю, юмористы, – бородач в тельняшке затянулся сигаретой. – А что это за психи от вас на машине рванули? Напились, что-ли?

– Да нет, это так, – замялся Андрей.

– Полиция сегодня зверствует, вы осторожнее. У приятеля моего в прошлом году на день благодарения права отобрали. У вас выпить чего-нибудь осталось?

– Обижаешь, дорогой.

– Так какого хрена вы молчите как партизаны! Айда к нам в гости, мы шашлыки замариновали.

Ночь эта оказалась совсем не так уж и плоха, Ивановы – приятными ребятами, к тому же знакомыми моих знакомых, а шашлыки вообще были выше всяких похвал. И часа в два утра, когда Андрей заснул на скамеечке во дворе, а праздник был в полном разгаре, я в приподнятом состоянии духа поехал домой.

Радио работало, и голос диктора предупреждал автомобилистов о хаосе на дорогах. В эту ночь сытые американцы, лишённые светофоров и фонарей, тут и там в огромных количествах совершали дорожно-транспортные происшествия.

– Сбой в системе энергоснабжения, – вещал диктор, – принял катастрофические последствия. Без электричества остались восемь американских штатов. Представители национальной электрической компании пытаются понять, что именно вызвало странную цепную реакцию, в результате которой по крайней мере тридцать миллионов жителей лишились света в праздничный вечер.

– Хи-хи, – ухмыльнулся я, твердо зная, где и как началась эта цепная реакция, и решил, что в этом году день благодарения оказался не таким уж и страшным. Стоило мне об этом подумать... Вот и не будь тут суеверным: автомобиль мой чихнул, затрясся и в то же мгновение заглох.

– Черт бы тебя побрал, старая, подлая скотина! – Вышел я из себя. – Как ты посмел коварно предать меня в самый неподходящий момент, на пустынной дороге! – Стартер скрежетал, но двигатель не подавал абсолютно никаких признаков жизни.

Я вылез из машины и оказался в кромешной тьме. Было холодно, изо рта шел пар, а над головой сверкали звезды. Боже всемогущий, никогда не видел таких ярких, близких звезд, казалось, что их можно потрогать руками. Вот и Млечный путь, а это, наверняка, Юпитер. Ба, привет, старая знакомая - Большая Медведица, перевернутая вверх ногами.

Я остро почувствовал свое одиночество. Каким образом мы оказались в этой стране пожирающей миллионы индюшек всего за один день? Что мы здесь делаем? Я, Андрей, его недоделанный дядюшка с супругой, подпитый бородач в тельняшке, эти симпатичные Ивановы, поселившиеся в соседнем доме. Как ничтожны все мы по сравнению с этой черной вселенной. Как смешны государства и границы, языки и традиции. Как коротка наша жизнь, преходящи все страсти и страдания. Неуловимое мгновение, пшик... А эти звезды как светились, так и будут светиться еще миллиарды лет. Есть ли хоть какой-нибудь, мало-мальски ничтожный смысл во всем этом? Боже, направь меня на путь истинный, я, кажется, забрел в кусты...

Ветка преобильно хлестнула меня по лбу, я выругался, и сейчас же как по-волшебству зажглись фонари. Мистический ужас, смешанный с восторгом, поднялся в моей нетрезвой душе, но мгновенно рассеялся, ибо я обнаружил, что кусты, в которых я застрял, посажены у стены придорожного Мак-Дональдса.

Где ты, магия ночи? Неужели при электрическом свете нельзя задуматься о вечном? Нет, проза жизни решительно овладевала душой. "Покупайте Мак-Турки!" – светился каннибальский плакат с радостным индюком, держащим в перьях крыла гамбургер, сделанный из тел сородичей.

– Черт бы его все-таки побрал, этот день благодарения, – устало бормотал я, добравшись домой. – Теперь еще с машиной придется разбираться.

И тут за окном закудахтало. Я отодвинул занавеску. На улице уже светало, над горами, покрытыми лесом, стелился туман и у самой их кромки небо начинало розоветь. А на лужайке бесцеремонно разгуливала невесть откуда взявшаяся дикая индюшка, выклеывая что-то в траве. Время от времени птица косила на меня красным глазом, угрожающе раздувая шею.

– Достойное завершение дня индюшки! – вдохновился я. – Приветствую тебя, историческая птица, пережившая все исторические катаклизмы! Твоя одомашненная, безымянная родственница героически сгорела как птица Феникс. Плотью своей она вывела из строя систему электроснабжения на всем Западном побережье Соединенных Штатов, а ты, дикая и свободная, как и твои далекие предки, восстав из пепла, пасешься на моей лужайке. – Я задумался над тем, правильно ли обращаться к индюшке по-русски, начал переводить речь на английский, утратил стройность мысли и запнулся.

Появился первый лучик солнца, где-то вдалеке истерически заорал петух. Индюшка невозмутимо проигнорировала мой монолог, развернулась ко мне задом и ушла на соседский участок.

До следующего дня благодарения оставалось ровно триста шестьдесят пять дней.

.oOo.